

Этнографическое обозрение. Кн. XV. Год
4-й. 1892. № 4. С. 130—137.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ
БЫЛИННЫХЪ СЮЖЕТОВЪ¹⁾).

Х.

Къ былинамъ о Добрынь-змѣборцѣ.

Развивая въ одномъ изъ моихъ „Экскурсовъ въ область русскаго народнаго эпоса” предположеніе, что въ битвѣ Добрыни со змѣемъ могли сохраниться отголоски исторической борьбы дяди Владимира Добрыни съ новгородскимъ язычествомъ, я указалъ нѣсколько примѣровъ тому, что змѣй въ легендахъ является представителемъ язычества. При этомъ я не вспомнилъ одного мѣстнаго русскаго преданія, прикрѣпленнаго къ *Новгородской* области, которое можетъ служить лучшимъ комментариемъ къ

¹⁾ См. XIII—XIV кн., стр. 112.

былинѣ о Добрынѣ–змѣборцѣ. Преданіе это давно извѣстно нашимъ изслѣдователямъ, но не было привлекаемо до сихъ поръ только въ этомъ направленіи. Я имѣю въ виду мѣстное преданіе, слышанное Павломъ Якушкинымъ близъ Новгорода и связанное съ Юрьевскимъ скитомъ, извѣстнымъ въ народѣ подъ именемъ *Перюньскаго*²⁾). Привожу преданіе дословно: — „А вотъ видишь ты, какое дѣло было”, началъ рассказчикъ: „быль звѣрь–зміяка; этотъ звѣрь–зміяка жилъ на этомъ самомъ мѣстѣ, вотъ гдѣ теперь скитъ святой стоитъ, Перюньской. Кажинную ночь этотъ звѣрь–зміяка ходилъ спать въ Ильмень озеро съ Волховскою коровницею. Перешоль зміяка жить въ самый Новгородъ; а на ту пору и родился Володимеръ–князь въ Кіевѣ; тотъ самый Володимеръ–князь, что привель *Руссею* въ вѣру крещенную. Сказаль Володимеръ князь: „всей землѣ Русской — креститься”. Ну и Новгороду

²⁾ „Это не совсѣмъ Перюньскій и не совсѣмъ Перунскій, говоритъ Якушкинъ, а звукъ какой–то средній между *у*, *ю* и *ы*. Въ книгахъ монастырь называется Перынь”.

— тожь. Новгородъ окрестился. Чорту съ Богомъ не жить. Новый-городъ схватилъ зміяку Перюна, да и бросилъ въ Волховъ. Чортъ силенъ: поплылъ не внизъ по рѣкѣ, а въ гору — къ Ильмень-озеру; подплылъ къ старому своему жилью, — да и на берегъ! Володимеръ-князь велѣлъ на томъ мѣстѣ церковь рубить, а дьявола опять въ воду. Срубилъ церковь: Перюну и ходу нѣтъ! Отъ того эта церковь назвалась Перюньскою; да и скить тоже Перюньской”³). Это любопытное мѣстное преданіе замѣчательно по сходству съ лѣтописнымъ извѣстіемъ о низверженіи идола Перуна въ Новгородъ, занесеннымъ подъ 988 годомъ⁴). Но для насъ оно представляетъ интересъ въ

³) Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній Павла Якушкина. Спб. 1860. стр. 118 и слѣд.

⁴) П. С. Р. Л. IV, 207: И приде епископъ Іоакимъ, и требища разори и Перуна посѣче, что въ великомъ Новгородѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлещи въ Волховъ; и повязавше ужи, влачаху џ по калу, біюще жезліемъ и пхающе, и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: о горе мнѣ, охъ, достася немилостивымъ судіямъ симъ! — и вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловяше сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою на мостъ, ею же безумніи убивающеса, утѣху творять бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же не переняти его. И иде Подблянинъ рано на рѣку, хотя горницы везти въ городъ, и Перунъ приплылъ къ берегу, къ бервы, и отрину его шестомъ, и рече ему: „Перунище! до сыти еси ѣль и пиль, а нынѣ прочь плови”...

другомъ отношеніи. Зміяка, находящійся, какъ эпическіе змѣи, въ связи съ женщиной (какая-то Волховская коровница), напоминаетъ того Змѣя-Горынича, который унесъ Запаву Путятичну или Марью Дивовну и съ которымъ бьется былевой Добрыня. Новгородское преданіе связываетъ низверженіе Зміяки съ крещеніемъ Руси княземъ Володимеромъ. Въ былинѣ бой Добрыни съ змѣемъ приурочивается къ эпическому Владимиру, и въ подробностяхъ боя, въ *купаньи* Добрыни въ рѣкѣ Пучаѣ (Почайнѣ) звучатъ, по нашему предположенью, отголоски крещенья. Наконецъ, новгородское народное преданіе отождествляетъ Змѣяку съ Перуномъ, представителемъ язычества, и это отождествленіе даетъ намъ недостававшее звено, которое связываетъ былиннаго змѣя, сраженнаго Добрыней, съ тѣмъ же языческимъ божествомъ. Какъ подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій языческое божество въ народномъ преданіи

превратилось въ демона и далѣе въ змѣя,
такъ и въ былинѣ его

постигла та же метаморфоза. Такимъ образомъ, оказывается, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ историческій Добрыня, по свидѣтельству Якимовской лѣтописи, свергалъ идоловъ и бросалъ ихъ въ Волховъ, распространяя христіанство, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ — на Волховѣ, Ильменѣ, въ Новгородѣ живетъ преданіе о *Змякѣ*—*Перюнѣ*, и есть полное основаніе думать, что эти мѣстныя новгородскія преданія послужили въ древности, по крайней мѣрѣ отчасти, матеріаломъ для былиннаго сюжета о боѣ Добрыни со *Змѣемъ*—*Горыничемъ*. Въ виду тѣсной связи историческаго Добрыни съ Новгородомъ — (вспомнимъ, что по лѣтописи Добрыня жилъ въ Новгородѣ при Владимирѣ, раньше завоеванія Владимиромъ Кіева, ставилъ тамъ кумиры, а затѣмъ послѣ принятія княземъ

христіанства осаждалъ Новгородъ вмѣстѣ съ Путьей и крестилъ новгородцевъ огнемъ, какъ Путья мечомъ) — можетъ быть поставлень вопросъ, не былъ ли именно въ Новгородской области, гдѣ ходили о Добрынѣ преданія, сложенъ прототипъ былины о его змѣборствѣ. У насъ нѣтъ данныхъ для положительнаго рѣшенія этого вопроса, но въ виду тѣсной исторической связи новгородской области съ Кіевской въ XI, XII вѣкахъ и въ виду не меньшаго участія историческаго Добрыни въ новгородскихъ событіяхъ, чѣмъ въ кіевскихъ, можно думать, что эпическій Добрыня равно принадлежалъ и южному — кіевскому, и сѣверному — новгородскому эпосу.

**ХІ.
Кони князя Владимира.**

Владимиръ въ былинахъ представляется обладателемъ и любителемъ хорошихъ коней. Когда Михайль Казарянинъ, настрѣлявъ для стола княженецкаго птицъ и попутно освободивъ родную сестру отъ татаръ, пріѣзжаетъ къ княжескому двору съ четырьмя добрыми конями татарскими, то князь, какъ любитель коней, выходитъ на нихъ взглянуть и говоритъ Михайлѣ:

„Молодой Михайло Казарянинъ,
А Казарянинъ, душа Петровичъ младъ!
У меня есть триста жеребцовъ,
И три любимы жеребца,
А нѣтъ такого единаго жеребца”⁵⁾).

Три любимые жеребца Владимира поминаются въ былинѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, причемъ различаются и по

⁵⁾ Кирша Даниловъ, изд. 1818 г., № XXI.

масти. Хвастаясь своими конями,
Владимиръ говоритъ:

„Есть ли въ Кіевѣ таковъ человекъ,
Кто—бъ похвалился на триста жеребцовъ,
На триста жеребцовъ и на три жеребцы
похваленые, —

Сивъ жеребецъ, да *кологривъ* жеребецъ,
И который полонень *воронко* въ Большой
ордѣ,

Полонилъ Илья Муромецъ сынъ
Ивановичъ,

Какъ у молода Тугарина Змѣевича”⁶).

Изъ сказанія о хожденіи русскихъ богатырей въ Царьградъ мы знаемъ, что Тугаринъ, имѣвшій отличнаго коня, былъ полонень русскими богатырями въ Царьградѣ и привезенъ къ князю Владимиру. Вѣроятно конь его очутился затѣмъ въ княжеской конюшнѣ, хотя въ Повѣсти о семи богатыряхъ (по Буслаевской рукописи) и говорится, что Владимиръ по просьбѣ Ильи отпустилъ Тугарина въ Царьградъ „з добрымъ конемъ

⁶) Кирша Данил. № VII (Иванъ Гостиный сынъ). У Гильф., № 133, жеребцы Владимира: кологривый, сивогривый и косматый бурушко.

и с своею сбруею ратною”⁷). Какъ цѣнителю коней, и Иванъ Гостиный дарить князю своего чуднаго бурушка–косматаго, но конь оказался невозможнымъ по дикости, и Владимиръ отказался отъ такого подарка. Приводя слышанный Петреемъ („Исторія о великомъ княжествѣ Московскомъ”) изъ народныхъ устъ рассказъ о чудесномъ конѣ Владимира Мономаха, акад. А. Н. Веселовскій, какъ мнѣ кажется, основательно полагаетъ, что рассказъ Петрея могъ имѣть въ основѣ былевые данныя о чудесномъ конѣ, упоминаемомъ при дворѣ былиннаго Владимира, объ этомъ бурушкѣ Ивана Гостиного⁸).

Въ виду этихъ былевыхъ данныхъ, изображающихъ Владимира обладателемъ „добрыхъ” коней, можетъ быть поставленъ вопросъ, не было ли какого–нибудь фактическаго основанія народному преданію, связывавшему имя Владимира съ конями. Въ видѣ догадки позволю себѣ воспользоваться однимъ свидѣтельствомъ

⁷) Памятн, стар. русск. лит. II, стр. 315.

⁸) Мелкія замѣтки къ былинамъ. Жур. М. Нар. Пр. 1885. Декабрь, стр. 191.

начальной лѣтописи. Она занесла ту интересную подробность, что, по завоеваніи Корсуня, Владимиръ взялъ изъ этого города

132

для украшенія Кіева „мѣдянѣ двѣ капищи и 4 кони мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею, яко же невѣдуще мнятъ я мрамаряны суца”⁹⁾). Если мы мысленно перенесемъ во времена лѣтописца, то легко можемъ себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе должны были производить эти греческія статуи и бронзовые кони на воображеніе народа, не видавшаго никогда ничего подобнаго. По искусству работы кони казались какъ бы живыми, давали поводъ къ фантастическимъ сказкамъ, и народное преданіе твердо запомнило о ихъ принадлежности Владимиру Святому. Обычный отвѣтъ, который отъ кіевлянъ получали всѣ приходившіе въ Кіевъ въ XI,

⁹⁾ Лѣт. по Лавр. списку, изд. Археограф, комиссіи, 1872, стр. 114.

ХІІ вѣкахъ на вопросъ о происхожденіи мѣдныхъ коней, что это кони Владимира, могъ въ связи съ другими многочисленными преданіями о томъ же эпическомъ князѣ отразиться въ былевомъ эпосѣ именно такъ, что Владимиръ оказался особымъ любителемъ отличныхъ коней и конскаго бѣга. Вліяніе памятниковъ искусства, особенно скульптуры и живописи, на народную фантазію можно подтвердить множествомъ примѣровъ. Ограничусь лишь ближайшими, связанными съ вещественными памятниками того же Кіева. Такъ, мнѣ кажутся убѣдительными соображенія академика А. Н. Веселовскаго, что исторической подкладкой того запѣва былинь о Батыѣ и Василю, въ которомъ изображается плачущая на городской стѣнѣ красивая дѣвица съ книгой евангеліемъ въ рукахъ, послужило извѣстное мозаическое изображеніе Богородицы въ Кіево-Софійскомъ соборѣ надъ горнимъ мѣстомъ почти на сводѣ алтаря, извѣстное подъ именемъ Нерушимой стѣны. Чудесное произведеніе греческихъ мастеровъ,

сохранившееся несмотря на разгромъ Кіева Батыемъ и обрушеніе Софійскаго собора, представлялось священнымъ палладіумомъ Кіева и должно было въ народной памяти тѣсно связаться съ преданіемъ о нашествіи Батыя, что мы и видимъ въ былинахъ поминающихъ, конечно, въ эпическихъ чертахъ, это событіе. Но и памятники вещественные гораздо меньшей важности могутъ получить значеніе въ народныхъ представленіяхъ. Въ томъ же Кіевѣ на Подоль, на нынѣшней Александровской площади, близъ такъ называемаго „точка“, т. е. толкучаго рынка, стоитъ фонтанъ Сампсона. „Это аляповатое, окрашенное въ нѣсколько

цвѣтовъ деревянное изображеніе библейскаго героя, раздирающаго пасть льва, изъ которой ниспадаетъ струя воды въ обширный каменный резервуаръ; надъ нимъ устроень каменный на столбахъ навѣсъ. Простой народъ относится почему—

то съ большимъ почтеніемъ къ „Леву”, какъ называется въ просторѣчїи этотъ фонтанъ, и многочисленныя богомольцы, посѣщающіе ежегодно Кіевъ, считаютъ своею обязанностью напиться оттуда воды, а также принести ее въ числѣ другихъ священныхъ предметовъ своимъ домочадцамъ. Сампсону на шею иногда богомольцы *навѣшиваютъ мѣдныя и серебряныя крестики*¹⁰⁾. Къ сожалѣнію, мы незнаемъ, какіе домыслы ходятъ въ народѣ объ этомъ намятникѣ.

¹⁰⁾ См. Путеводитель по Кіеву В. Д. Бублика, изд. 2-е 1890 г., стр. 125.

ХІІ.

Къ былинѣ о Данилѣ Ловчанинѣ.

Содержаніе этой былины, въ связи съ многочисленными сказками о Данилѣ—безчастномъ, царевичѣ Василии, Горегорянинѣ Данилѣ—дворянинѣ и проч., было подробно анализировано акад. А. Н. Веселовскимъ въ „Южнорусскихъ былинахъ” (ХІ. Алеша „бабій пересмѣшникъ” и сюжетъ Цимбелина) и въ „Мелкихъ замѣткахъ къ былинамъ”. (Ж. М. Нар. Пр. 1885, декабрь, стр. 166—186). Къ исторіи сказочныхъ сюжетовъ, прикрѣпившихся къ имени Данилы, я не имѣю въ виду снова возвращаться, но сдѣлаю попытку отвѣтить на вопросъ, откуда зашло въ былины, побывальщины и нѣкоторыя сказки и самое имя Данилы. Изъ многочисленныхъ примѣровъ мы знаемъ, что въ нашемъ былевомъ эпосѣ оказывается не мало именъ историческихъ лицъ, хотя въ эпическихъ похожденіяхъ,

приписываемыхъ такимъ лицамъ, иногда почти невозможно уже отыскать какую-нибудь крупницу исторіи. Вспомнимъ о Добрынѣ, Алешѣ Поповичѣ, Ставрѣ, Садкѣ, Буслаевѣ, Апраксіи, князѣ Романѣ и проч. и проч. Можно думать, что въ собственныхъ именахъ былевыхъ лицъ и второстепенныхъ, эпизодическихъ, при болѣе пристальномъ изученіи былинь, окажутся подобныя отголоски исторіи. Можетъ быть, окажутся они въ имени Данилы Ловчанина.

Для предположенія, которое я ниже высказываю, слѣдуетъ припомнить

нѣкоторыя черты былины, дошедшей до насъ въ двухъ вариантахъ (Кирѣев. III, № 1, стр. 28, и № 2, стр. 32). Владимиръ задумалъ жениться; Путятинъ Путятровичъ (или Мишатычка Путятинъ сынъ) описываетъ ему красоту жены Данилы, и чтобы добыть ее, совѣтуетъ послать Данилу Ловчанина на охоту за звѣремъ лютымъ

или лютымъ львомъ. Данила отправляется на охоту. Жена, догадавшись о коварствѣ князя, предупреждаетъ мужа. Дѣйствительно на Данилу послана цѣлая рать — сила Русская. Данила прорубилъ ее, но когда увидѣлъ, что противъ него ѣдутъ два богатыря, его родной братъ Никита и названный братъ Добрыня, — тутъ заплакалъ Данила горячьми слезми:

— Ужъ и вправду, знать, на меня Господь прогнѣвался,

— Володимиръ князь на удалово осердился! —

Тутъ возговорить Данила Денисьевичъ:

— Ишшо гдѣ это слыхано, гдѣ видано,

— Братъ на брата со боёмъ идетъ?¹¹⁾

Затѣмъ, не желая биться противъ братьевъ, онъ кончаетъ самоубійствомъ. Такимъ образомъ былевой Данила, посланный съ коварнымъ умысломъ на охоту ради покушенія князя на его жену, погибаетъ трагически, причемъ на него вооружились два брата (родной и

¹¹⁾ Кирѣевск. III, 36.

названный). Этот обнаженный отъ прочихъ деталей мотивъ нѣсколько напоминаетъ трагическую судьбу историческаго суздальскаго князя Данилы Александровича. Припомнимъ нѣкоторыя черты изъ извѣстнаго сказанія о началѣ Москвы. Князь Данила взялъ къ себѣ на службу двухъ красивыхъ сыновей боярина Кучка, привязался къ нимъ и пожаловалъ одного въ стольники, другого въ чашники. Оба юноши полюбились женѣ Данилы Улитѣ Юрьевнѣ (возлюби бо красоту лица ихъ) и вмѣстѣ съ нею умыслили предать князя Данила смерти. Съ этою цѣлью они „начаша звати князя Данила въ поле ѣздити, утѣшенія ради звѣрскаго лова, якоже бысть обычай”. На охотѣ Кучковичи покушаются убить князя и ранять его, но ему удается ускакать въ чащу лѣса. Тогда по совѣту княгини Улиты Кучковичи берутъ съ собой на поиски любимаго пса князя и открываютъ его убѣжище въ лѣсу (струбець): „обрѣтъ ту князя Данила Александровича скоро

смерти предають, мечи и копи прободоша ребра ему и главу отсѣкоша его”¹².

Конечно, мы далеки отъ мысли, что Суздальское сказаніе было переложено въ былину и затѣмъ послѣ ряда всякихъ измѣненій и передѣлокъ дошло до насъ въ видѣ современной былины о Данилѣ Ловчанинѣ. Все, что можно предположить съ нѣкоторой вѣроятностью, ограничивается тѣмъ, что полузабытое народное преданіе объ убіеніи князя Данилы изъ-за жены *двумя* близкими къ нему людьми, и притомъ на охотѣ, могло повліять на наименованіе Данилой Ловчаниномъ богатыря, такъ-же трагически погибшаго на охотѣ ради жены. Конечно, коварная Улита, „уязвленная похотію блудною”, нисколько не напоминаетъ вѣрную жену эпического Данилы, кончающую жизнь

¹²) Сказаніе о началѣ Москвы напеч. во Временникѣ М. О. И. и Д. 1851 г, кн. XL, и перепечатано въ приложеніи къ IV части пѣсень Рыбникова (стр. LVIII слѣд.); ср. другой вариантъ изъ рукописной Новгородской лѣтописи, принадлежитъ Олонецкой семинаріи. — Тамъ же, стр. 157—162.

самоубійствомъ, чтобы не достаться князю Владимиру. Но вѣдь и эпическій Владимиръ въ данной былинѣ едва ли напоминаетъ историческаго и сластолюбивая Апраксія, полная противоположность добродѣтельной княгини Евпраксіи, отъ которой, однако, получила свое имя. Чѣмъ больше изучается сюжетъ былины, тѣмъ больше уясняется могучее дѣйствіе аналогіи въ развитіи сказаній. Смерть историческаго князя Данила, съ теченіемъ времени помнившаяся только въ тѣхъ чертахъ, что она была какъ-то связана съ его женою и произошла въ необычной обстановкѣ въ лѣсу, на охотѣ, могла спутаться съ широко распространенными сказочными сюжетами, въ которыхъ разсказывается о мужѣ, терпящемъ изъ-за красоты жены, причемъ жена является то преданной мужу, то дѣйствующей противъ него въ союзѣ съ любовникомъ. Разъ попавши въ сказочную колею, историческое событіе или лицо подвергаются множеству всякихъ сказочныхъ наслоеній, за которыми въ

концѣ концовъ ихъ такъ—же трудно разглядѣть, какъ трудно распознать въ былинахъ историческаго Добрыню, попавшаго въ змѣборцы и затѣмъ вмѣстѣ съ змѣемъ въ другіе сказочные сюжеты.

Можетъ быть, нѣкоторымъ подтвержденіемъ нашего домысла о происхожденіи имени эпическаго Данилы изъ мѣстныхъ суздальскихъ преданій послужитъ и тотъ фактъ, что былины о Данилѣ

Ловчанинѣ (или Денисьевичѣ) не извѣстны въ обширномъ олонецкомъ былинномъ репертуарѣ, поглотившемъ репертуаръ кievскій и новгородскій. Оба извѣстные варианта записаны въ предѣлахъ Московской Руси — одинъ въ губерніи Нижегородской, другой — въ Симбирской. Можетъ быть, это не случайность. Что касается хронологіи былины, то по многимъ признакамъ она относится къ суздальскому или даже московскому періоду. Уже

О. Миллеръ справедливо замѣтилъ, что „обстановка, среди которой поставленъ Данило Ловчанинъ, только по внѣшности — старая кievская, на самомъ же дѣлѣ иная, позднѣйшая”¹³). Дѣйствительно, на пиру Владимира бояре, которые хвалятся *помѣстьями, вотчинами*, Владимиръ своимъ деспотизмомъ напоминаетъ скорѣе Ивана Грознаго, чѣмъ кievское „Красное солнышко”, богатырь Добрыня, нарушающій крестное цѣлованіе, такъ же мало похожъ на Добрыню другихъ былинь и напоминаетъ опричника. Вообще отъ былины вѣтъ московскимъ духомъ, что согласуется и съ предполагаемымъ московскимъ райономъ извѣстности этого сюжета и съ предполагаемой мною связью имени Данилы съ мѣстными московско—суздальскими преданіями.

Всеv. Миллеръ.

¹³) Илья Муромецъ, стр. 620.